

В итоге Сяо Цзин, желая сохранить лицо Шэнь Цзюньжу как императорского наставника, скрыл правду о том, что тот был убит собственной дочерью. Официально было объявлено, что Шэнь Цзюньжу скончался в результате случайного отравления снадобьем, а его дочь Шэнь Ичань, не вынеся горя, последовала за отцом. Её помолвка с лучшим учеником-чжуаньюанем была аннулирована.

Однако тот факт, что Дом Шэнь был конфискован Гвардией в парчовых халатах, а всё его имущество отошло в казну, давал зорким людям понять, что дело обстояло не так просто. По городу поползли самые разные слухи.

Примечательно, что при конфискации имущества Дома Шэнь заодно вскрылись доказательства связи управляющего с наложницей Цзян, а затем выяснилось, что Шэнь Юйчжу — не родной сын Шэнь Цзюньжу, а плод тайной связи управляющего и наложницы.

Пропавший юнец Шэнь Юйчжу вместе с управляющим и наложницей Цзян был с позором изгнан из Дома Шэнь. Его бывшие наложницы и служанки разбежались кто куда. Лишь служанка Цю Лянь сохранила верность и, не изменив своей глупой привязанности, последовала за Шэнь Юйчжу, согласившись на жизнь в бедности.

Место же молодой и прекрасной госпожи Шэнь, Се Хуэйлань, стало загадкой. Вместе с ней бесследно исчезло и тело Шэнь Ичань.

Когда Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин вновь увидели Се Хуэйлань, они её почти не узнали.

Эта знатная красавица обрила свою роскошную шевелюру, взяла в руки метёлку из конского хвоста, облачилась в серую буддийскую рясу и приняла постриг в монастыре Байюньбань (Обитель Белых Облаков) на горе Цися под столицей.

Се Хуэйлань достала изящный парчовый мешочек и протянула его Дуань Минчэню:

— Прошу вас, господин Дуань, передайте этот мешочек генералу Ло Юйлоу из северного авангарда.

— А что внутри? — спросил Дуань Минчэнь.

— Волосы его возлюбленной, — тихо улыбнулась Се Хуэйлань. — Хотя Ичань уже нет, думаю, генералу Ло будет приятно иметь что-то на память о ней.

Дуань Минчэнь на мгновение замер, затем серьёзно кивнул:

— Я познакомился с Ло Юйлоу на северных рубежах, мы с ним старые знакомые. Обязательно выполню ваше поручение.

Гу Хуайцин, глядя на мешочек, хранивший тёмные локоны красавицы, на миг погрузился в задумчивость.

Волосы женщины, как и её тело, издревле считались драгоценностью. Послать такой мешочек — всё равно что позволить Шэнь Ичань навеки соединиться с любимым мужчиной.

В сердце Гу Хуайцина шевельнулось смутное чувство. Он не удержался и спросил Се Хуэйлань:

— А вы... что намерены делать дальше?

Се Хуэйлань слегка склонила голову, её взгляд устремился за ворота монастыря, где неподалёку виднелся свежий погребальный холмик, окружённый сливовыми деревьями.

— Она так любила сливы. Я упокою её среди сливового леса, ей наверняка будет радостно, — на лице Се Хуэйлань вдруг расцвела ослепительная улыбка, а в глазах замерла такая нежность, что сердце сжималось. — Я никуда не уйду. Останусь здесь, рядом с ней. Буду читать сутры за неё... и молиться за себя. Молиться, чтобы в следующей жизни мы могли быть вместе... навсегда...

Великий полководец Великой Ци Ло Юйлоу, чьи подвиги вписали славные страницы в историю, странным образом, хоть и имел наложниц, так никогда и не взял в жёны главную супругу. После кончины генерала Ло на его груди обнаружили потускневший парчовый мешочек...

Впрочем, это уже позднейшие события, о которых пока говорить не будем.

Вернёмся к Дуань Минчэню и Гу Хуайцину. Погружённые в свои мысли, они покинули Обитель Белых Облаков и пошли по извилистой тропе вниз с горы.

Гу Хуайцин шёл впереди, залитый светом заката. Его стройный стан, купавшийся в багряных лучах, казался ослепительно ярким.

Он шёл, опустив голову, но вдруг резко остановился, обернулся и с выражением крайней озадаченности на лице уставился на Дуань Минчэня.

— Что такое? — недоумённо спросил Дуань Минчэнь.

— Я вот думаю... наше пари... кто же в итоге выиграл, а кто проиграл?

Дуань Минчэнь чуть не споткнулся. Неужели он всё ещё помнит тот нелепый спор? — Мы же догадались одновременно. Значит, ничья...

— Как это скучно! — Гу Хуайцин надул губы, но вдруг его фениксовые глаза блеснули. Он придвинулся к Дуань Минчэню и что-то быстро прошептал ему на ухо.

— Это... — Дуань Минчэнь нахмурил свои мечевидные брови, явно сомневаясь.

— Вот и договорились! — Гу Хуайцин звонко рассмеялся и, пустив в ход искусство лёгкого шага, помчался вниз по склону.

Дуань Минчэнь лишь беспомощно улыбнулся и ускорил шаг, чтобы догнать его...

□Часть вторая□ Холодные цветы инея

Третий месяц, ранняя весна. Только что прошёл лёгкий дождик, воздух был напоен ароматом молодой травы, на сердце становилось легко и радостно.

Серп луны только взобрался на зелёные верхушки деревьев, ночные сумерки сгущались, а в Переулке Цветущих Ветвей как раз начиналось оживление. Большие красные фонари, подвешенные высоко, загорались один за другим, из расписных теремов доносились нежные переливы струн и бамбуковых флейт, веявшие томной, пикантной прелестью.

Переулок Цветущих Ветвей был невелик, но славился на всю столицу как лучшее место для

утех. По обеим сторонам узкой улицы, вымощенной синим камнем, теснились дома весёлого ремесла. Самыми знаменитыми среди них были «Хунсючжао» (Зов алых рукавов) и «Июйлоу» (Башня Нефритовой Опоры).

«Хунсючжао» была жемчужиной среди злочных мест. Со времён основания Великой Ци отсюда вышло не счесть первых красавиц. Говорили, что ещё при деде-основателе нынешней династии император, переодевшись в простую одежду, навещался сюда в поисках цветов любви, и с тогдашней первой красавицей Лю Шэнъи связана романтическая история. Однако в последние годы положение «Хунсючжао» пошатнулось, и её стала теснить новоявленная «Июйлоу».

«Июйлоу» же была заведением для мужчин. Любовь к прекрасному полу одного с тобой пола существовала испокон веков. Нравы в Великой Ци были свободными, отпрыски знатных семей предавались удовольствиям, и немало среди них находилось ценителей мужской красоты. Забавы с «драконом-ян» обычно не выходили на свет, и до появления «Июйлоу» все подобные заведения вели себя скромно, ютились в глухих переулках, даже вывески не вешали. Но «Июйлоу» сломала эту традицию, втиснулась на этот клочок земли стоимостью в золото и с каждым днём делала всё более процветающий бизнес.

Успех «Июйлоу» был связан с уникальным подходом. Каждый месяц они представляли нового прекрасного «чистого» юношу. Однако его первую ночь, в отличие от обычных веселых домов, где она доставалась предложившему наивысшую цену, выбирал сам юноша. Гостям достаточно было заплатить лишь за вход, чтобы участвовать в состязании за его благосклонность. Таким образом, ежемесячная ночь «раскрытия бутона» неизменно собирала аншлаг, каждый раз яблоку негде было упасть, и многие надеялись снискать милость красавца и провести с ним прекрасную ночь.

Как раз сегодня была ночь «раскрытия бутона» у первой звезды заведения, Лянь-цзюня (Лотосового господина). У входа в «Июйлоу» толпился разномастный народ, чуть не сломав порог, каждый лелеял надежду, что именно ему улыбнётся удача и он сможет разделить ложе с прекрасным юношей.

По сравнению с этим, напротив, в «Хунсючжао» было пустынно. Сводня, прислонившись к дверному косяку, с ненавистью в глазах пялилась на соседний дом, скрежеща пожелтевшими зубами.

На втором этаже было открыто окошко. У окна сидела очаровательная, с соблазнительными формами девица. Она лениво полулежала на подоконнике, в волосах — модные цветы, на ней — красная шёлковая безрукавка с вышитыми пионами, из которой так и рвались наружу пышные белоснежные груди. В тонкой руке она лениво помахивала круглым веером, а пара живых, соблазнительных глаз бесцельно бродила по улице за окном.

Внезапно она выпрямилась, встав во весь рост, уставилась на вход в переулок, даже не заметив, как веер выпал у неё из рук.

Вслед за взглядом девицы можно было увидеть двух молодых господ, подъезжающих верхом к переулку. У входа они оба спешили, передали коней сопровождавшим их слугам и неспешной, величавой походкой направились внутрь.

Господин слева был одет в хайцинского цвета чжишэнь (прямой халат), с узкой белой шёлковой оторочкой у ворота, с кожаным поясом, инкрустированным зелёным нефритом. Справа на поясе висел небольшой чёрный лакированный танский меч с серебряной инкрустацией, рукоять обтянута белой кожей ската, а на чёрных лакированных ножнах

серебряной нитью был выложен изящный узор из орхидей. Его лицо было холодным, взгляд — ясным, как звёзды, стан — прямым, как сосна, вся его особа излучала бодрую, мужественную энергию.

Если левый господин был воплощением героического духа, то правый — бесподобной красоты. Его густые чёрные волосы были убраны нефритовой короной, на лбу — алая повязка, в центре которой красовалась резная из белого нефрита ажурная пиктограмма лотоса. Нефрит был чистым, безупречным, но всё же не мог сравниться с его кожей, ясной, как иней и снег. На нём был одет простой белый даопский халат с шициновой (тёмно-синей) оторочкой, в руке он помахивал сандаловым складным веером с узором из цветов и птиц, снизу свисала изящная нефритовая подвеска в форме летучей мыши.

Он шёл издалека, широкие рукава развевались на ветру, поступь была плавной и изящной, словно плывущие облака и текущая вода. Поистине, белые одежды белее снега, осанка — свободная и благородная, словно драгоценное дерево или нефритовое дерево, вызывая в сердцах восхищение и вздохи о том, что даже легендарные красавцы Пань Ань или Вэй Цзе, возродись они вновь, не смогли бы сравниться.

Этими двумя прекрасными господами были Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин. А оказались они в этом весёлом квартале из-за того нелепого пари.

После дела о внезапной смерти первого помощника Шэнь Цзюньжу Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин, начав с вражды, познакомились ближе и даже заключили пари, согласно которому проигравший должен был «вывесить табличку» в «Июйлоу». К счастью, они оба одновременно разгадали загадку, и всё должно было закончиться к общему удовольствию. Однако Гу Хуайцин остался недоволен, мысль о пари не давала ему покоя, и он непременно хотел выяснить, кто же из них победил.

<http://bllate.org/book/16283/1466761>